УДК 323(091):94(47)

АСТРАХАН В. И.

Факторы консолидации российского общества в условиях политической модернизации

В статье характеризуются политические модернизации, осуществленные на основных этапах становления российской государственности; выделяются их характерные черты; обосновываются факторы социальной консолидации в рамках той или иной политической модернизации, включая современную.

Ключевые слова: политическая модернизация, модернизационная кампания, российская государственность, социальная консолидация.

Проблема социальной консолидации никогда не была для России праздной. История народа, география страны, политика государства – всё свидетельствует о непреходящей актуальности этой проблемы. Не случайно одной из целей осуществляемой сегодня в Российской Федерации политической модернизации является консолидация российского общества. Саму идею модернизации при этом можно воспринимать как одну из предпосылок социальной консолидации.

Как соотносятся понятия «политическая модернизация» и «социальная консолидация»? Насколько взаимообусловлены явления, кроющиеся за этими понятиями. Под политической модернизацией принято понимать адаптацию политической системы к конкретным условиям текущей социальной жизни. Консолидация общества – это максимально возможное объединение людей на основе общности целей и отношения к существующим формам общественных отношений, в т.ч. к политической системе. Рассмотрим, как эти явления соотносятся в исторической ретроспективе, ибо и «политическая модернизация», и «консолидация общества» – категории исторические.

В более чем тысячелетней истории российской государственности можно выделить ***пять модернизационных кампаний***, не считая современной, причем каждая из них сопровождалась процессами, имеющими отношение к социальной консолидации.

Первая политическая модернизация связана с укреплением династии Рюриковичей на древнерусском престоле (IX–XI вв.). Государственность у восточных славян существовала и до варяжского призвания – хотя бы в виде таких протогосударств, как Славия, Артания и Куявия. Но это еще не были государства в собственном смысле. Модернизация, осуществленная Рюриковичами, состояла:

– во-первых, в реализации социально-политической модели «князь – дружина – люди (население)». Дружина из примитивной надобщинной структуры превращалась в орудие государственного управления, она являла собой и зародыш законосовещательного органа при монархе (княжеский совет, формировавшийся из старших дружинников), и системообразующий элемент вооруженных сил государства (малая дружина как ядро феодального ополчения). Князь с помощью дружины вершил полюдье (сбор дани, суд), а впоследствии использовал ее представителей в качестве должностных лиц местной администрации;

– во-вторых, в замене покоренных удельных князей членами одного правя-

щего рода. Уже четвертое поколение Киевских Рюриковичей (если вести отсчет от Игоря) правило безраздельно во всей земле Русской, а изобретенная Ярославом Мудрым лествица (замещение великокняжеского престола старшим в роду независимо от степени родства по отношению к предшественнику) позволила ввести династийное правление в условиях широкой удельной самостоятельности;

– в-третьих, в закреплении традиционных для раннего феодализма отношений сюзеренитета-вассалитета. Эти отношения предполагали особый статус главы Древнерусского государства, который был лишь первым среди равных, заключая с удельными князьями своеобразные договоры о взаимных правах и обязанностях. Это была европейская модель, реализованная Карлом Великим и его наследниками на рубеже XVIII–IX вв., а Рюрик являлся носителем и транслятором этой традиции.

Таким образом, первая модернизационная кампания привела к замене примитивных политических объединений восточнославянских племен единым государством. Формой государственного единства при этом являлись отношения сюзеренитета-вассалитета, выступавшие одновременно фактором консолидации высшего слоя феодальной знати (впоследствии одного рода). Что касается консолидации древнерусского общества в целом, то о ней можно говорить лишь в территориальном контексте. Для сеньориальной монархии вообще характерна определенная удельная разобщенность, и Киевская Русь не была исключением. Консолидация населения «по землям», бесспорно, присутствовала, но и она утверждалась преимущественно принудительными методами – от полюдья (сбор дани и суд с демонстрацией военно-политической мощи) до тягла (реализация установленных податей и повинностей при наличии уже государственного аппарата подавления). Это так называемая «консолидация под князем». Иные факторы консолидации (внешнеполитический – общая угроза со стороны воинственных соседей; идеологический – постепенная замена племенных культов единой православной литургией; экономический – формирование сходных моделей хозяйствования и укрепление торговых связей) также имели место, но не играли решающей роли в рассматриваемый период.

Результатом *второй политической модернизации*, хронологические рамки которой охватывают примерно столетие (от Дмитрия Ивановича Донского до Ивана III Васильевича), стало создание централизованного Русского государства под эгидой великих князей Московских. Каково содержание этой модернизации?

Во-первых, отношения сюзеренитета-вассалитета были постепенно заменены отношениями подданства. Новая модель отношений пробивала себе дорогу сквозь череду многих факторов внешнего и внутреннего характера. В период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.), отягощенной золотоордынским нашествием, многие князья северо-восточных русских земель являлись вассалами одновременно двух господ – и хана, и того из своих соотечественников, который получал ханский ярлык на великое княжение. Это положение, противоречившее основному принципу сеньориальной монархии («вассал моего вассала не мой вассал»), послужило толчком к формированию иного взгляда на отношения между главой государства и удельными властителями. Тенденция к централизации изменяла социальный механизм государственного единства. Вассалитет изживал себя, удельный сепаратизм становился угрозой выживанию – и конкретным землям, и восточнославянской общности в целом. Феодальная война, разразившаяся в XV столетии и длившаяся несколько десятилетий, стала последним аргументом для представителей укрепившейся московской династии: Иван III отменил право отъезда (свободный переход вассала с владениями к новому сюзерену) и учредил поместную систему (наделение землей за государственную службу). Удельные князья превращались в князей служилых, т. е. подданных Великого князя, обязанных ему службой.

Во-вторых, и это прямо следует из первого, модернизация состояла в трансформации формы государственного правления. Раннефеодальная (сеньориальная)

монархия уступила место централизованной. Прекращение созыва феодальных съездов и низвержение новгородского вечевого колокола были явными признаками централизации. Иван III, успешно объединявший северо-восточные земли и выкраивавший целые уделы у Великого княжества Литовского, с полным основанием принял титул «государь всея Руси».

В-третьих, важнейшим показателем модернизации стало создание нового государственного аппарата. Заимствованная у Золотой Орды модель централизованного управления (на Руси – приказная система) понемногу вытесняла оставшуюся в наследство от погибшей в усобицах Древней Руси дворцово-вотчинную систему, при которой функции отраслевого управления возлагались на должностных лиц княжеского двора. Правда, на этом этапе устояла система кормления как форма местного управления, но и она уже была подвергнута сомнению, т.к. очевидно препятствовала централизации.

Таким образом, вторая модернизационная кампания ознаменовалась не только восстановлением суверенной русской государственности. Она породила новую политическую систему, ядром которой являлось централизованное государство во главе с «государем всея Руси». Естественно, этому процессу сопутствовала социальная консолидация. Её специфика определялась реформированием общественного строя. Путь к централизации лежал через становление служилого сословия – социальной основы государственной бюрократии. Консолидации этого сословия способствовало становление поместной и приказной систем. Очевидной была и динамика консолидации на более высоком уровне – общесоциальном. Призыв, прозвучавший на Куликовом поле – «Москва! Москва!», – не был простой данью Великому князю Московскому как объединителю усилий в борьбе с внешним врагом. Здесь проявился главный фактор общенародной консолидации, характерный для рассматриваемого этапа отечественной истории, – внешнеполитический.

В отличие от предыдущих *третья модернизационная кампания* внесла более весомый вклад в становление российской государственности. Её хронологические рамки: вторая половина XVI – первая четверть XVIII в., от Ивана IV Грозного до Петра I. Используя формулу Л.Н. Гумилева, можно утверждать, что именно в этот период произошел переход от Руси к России. В ходе модернизации были последовательно реализованы две политические модели – самодержавная и имперская.

Реализация самодержавной модели предполагала решение ряда задач.

Во-первых, необходимо было сокрушить политическую мощь родовой аристократии (боярства). На этом поприще Иван Грозный апробировал весь спектр возможностей монаршей власти – от физического истребления политических оппонентов в период опричного беспредела до учреждения в противовес узкосословной Боярской думе всесословного государственного органа – Земского собора. Место боярства на политическом олимпе должно было занять служилое сословие – дворянство. Опричнина по сути стала первым актом трагедии, известной как борьба между боярством и дворянством за политическое лидерство. Исход этой борьбы был предрешен, но еще весьма далек. Боярская дума оставалась влиятельнейшим органом государственной власти, а в годы Смуты и в правление первого Романова – единственным или ведущим.

Во-вторых, вывести дворянство на лидирующие политические позиции можно было только одним способом – консолидировав феодальное сословие в целом. Экономически эта задача решалась уравнением статусов вотчины и поместья как форм феодального землевладения; на это ушло по крайней мере столетие целенаправленных усилий законодательной власти. Политический аспект задачи состоял в активной инкорпорации дворянства в высшие органы государственной власти – приказы, всяческие избранные рады, Земский собор и даже в аппарат Боярской думы.

В-третьих, реализуемая самодержавная модель была немыслима без четкой сословной дифференциации. Установление непреодолимых барьеров между сословиями, с одной стороны, и внутрисослов-

ная консолидация – с другой должны были обеспечить управляемость общества и способствовать совершенствованию системы государственного управления в целом. Так, консолидируемым элементом феодального сословия помимо боярства и дворянства было высшее духовенство, претендовавшее на роль «второй власти» в государстве; эти претензии были пресечены по мере секуляризации церкви, но далеко не сразу. Консолидация посадского населения имела целью прикрепить людей к посаду и воспрепятствовать их уклонению от государственных повинностей и налогов. Консолидация крестьян выразилась в установлении для них единого наследственного правового состояния (полная закрепощенность) независимо от субъекта земельной собственности. Организованное таким образом общество стало социальной основой для утверждения новой формы государственного правления – сословно-представительной монархии.

В-четвертых, реализация самодержавной модели требовала изменения статуса главы государства. Титулы «Великий князь» и «Великий государь» уже не могли соответствовать величию монарха. Иван Грозный принял царское достоинство и официально закрепил его в Судебнике 1550 г.[1] Это был первый шаг к абсолютизму, но ресурса государственной власти не хватало для становления абсолютной монархии как формы правления еще на протяжении 100 лет.

Абсолютизм, являясь высшим выражением самодержавия (эти понятия в определенном смысле можно рассматривать как синонимы), вместе с тем характеризуется собственными чертами – такими как:

– полное отсутствие сословных органов на уровне центральной власти. Алексей Михайлович Тишайший практически свернул деятельность Земских соборов, а его сын Петр I исключил из перечня высших органов власти Боярскую думу. При этом сословный принцип продолжал доминировать и в общественной жизни, и в регламентации государственной службы, а внутрисословная консолидация достигла апогея;

– закрепление привилегий дворянства как господствующего сословия, обладавшего монопольным правом на землю, но обязанного непременной государственной службой;

– сосредоточение управления церковью в руках монарха. Петр I в начале XVIII в. ликвидировал патриаршество и учредил государственный орган церковного руководства с назначаемым обер-прокурором во главе;

– создание «регулярного государства», сходного по модели с «подсмотренными» на Западе. Осуществляемая в этом направлении модернизация затронула прежде всего структуру государственного аппарата. Его важнейшими элементами становились органы, учреждаемые и формируемые непосредственно государем и подотчетные только ему. Генеральный регламент 1720 г. закрепил механизм государственного управления, а Табель о рангах 1722 г. установила полностью замыкавшуюся на монарха иерархию государственной бюрократии. Отныне Петр мог обоснованно писать о себе: «царь и самодержец всероссийский»[2].

Этап становления абсолютизма в России завершился провозглашением Петра I императором, а его державы – империей. Это была и новая политическая модель, и специфическая форма государственного устройства. Следовательно, возникла потребность в новых формах консолидации общества, ставшего многочисленным и разнородным в силу расширения владений России как континентальной империи. Однако поиск указанных форм выходит за хронологические рамки рассматриваемого нами периода; новые идеологические парадигмы были найдены и внедрены позже, когда процесс утверждения имперской политической модели был завершен, т. е. данная модернизационная кампания завершилась. Отметим лишь, что в конце XVIII – первой половине XIX в. внешне- и внутриполитический факторы консолидации уравнялись в своем значении.

Четвертая политическая модернизация, охватывающая более полувека (с 1860-х гг. по 1915 г.), представлена содержательно различными этапами, хотя общий вектор осуществляемых перемен очевиден.

Первый этап модернизации (1861–1881 гг.) связан с реформаторской деятельностью

Александра II и его правительства. Крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право; Земская и Судебная реформы 1864 г., существенно расширившие возможности дворянского и крестьянского самоуправления; Реформа городского самоуправления 1870 г., разрешившая подобные проблемы в мещанской среде; Военная реформа 1860-х –70-х гг., знаменовавшая переход от рекрутского набора к всесословной воинской повинности; реформы в области народного просвещения – в результате этих мероприятий был достигнут уровень либерализации общественных отношений, позволявший говорить о возможности эволюционной трансформации формы государственного правления в сторону ограниченной (конституционной) монархии. Но смерть императора в результате очередного народовольческого теракта прервала этот процесс, и подготовленный М.Т. Лорис-Меликовым конституционный проект принят не был.

Второй этап, известный в истории как «контрреформы Александра III», действительно имел принципиально иную направленность. Император-миротворец введением института земских начальников (1889 г.) свернул крестьянское самоуправление, Положением о губернских и уездных земских учреждениях (1890 г.) дезавуировал демократический характер Земской реформы 1864 г., новым Городовым положением (1892 г.) лишил рабочих и мелкую буржуазию избирательных прав, судебной контрреформой (конец 1880-х гг.) ограничил либо полностью ликвидировал независимость суда от администрации и т.п. Провозгласив новую идеологическую парадигму – «Россия по-русски и для русских», Александр III, по сути, попытался развернуть консолидационный процесс в российском обществе, имевший целью сохранение устоев самодержавия.

Эти усилия возымели обратное действие. Третий этап модернизации, инициированный «снизу» революционными событиями 1905 г., завершился изменением формы государственного правления: в результате учреждения Государственной думы (август 1905 г.) и предоставления населению широких политических прав (Манифест Николая II от 17 октября 1905 г.) Россия стала ограниченной монархией. Но «неконструктивная» позиция первых двух Дум и разрастание революционного движения вызвали новую волну правительственной реакции...

В начале четвертого этапа рассматриваемой модернизации – 3 июня 1907 г. – премьер-министр П.А. Столыпин инициировал внепроцедурную корректировку избирательного закона, т. е. совершил государственный переворот. Монархия сохранила себя как форма, но государственный строй был изменен: Основные законы Российской империи 1906 г. официально зафиксировали этот факт.

Таким образом, четвертая политическая модернизация имела весьма противоречивый характер. В единый политический процесс слились реформа и контрреформа, революция и контрреволюция. Все эти события имели серьезную социальную (вернее, уже социально-политическую) подоплеку. Речь идет о новом уровне консолидации населения России – классовом. На арену политической борьбы вышли политические партии, представлявшие интересы крупных социальных групп, основными из которых на рубеже XIX–XX веков были дворянство, крестьянство, буржуазия и пролетариат. Политической организацией средней и мелкой буржуазии стала Конституционно-демократическая партия народной свободы (кадеты); интересы крупной буржуазии и части дворянства поддерживала Партия 17 октября (октябристы); социальную базу черносотенных партий составляли монархически и националистически настроенные слои населения; роль представителя интересов пролетариата приняла на себя Российская социал-демократическая рабочая партия (в лице двух крыльев – большевистского и меньшевистского); представителем интересов мелкой буржуазии города и деревни, а также определенной части интеллигенции стала Партия социалистов-революционеров, самая многочисленная в то время.

Мы видим, что внутрисословная консолидация переросла в новое состояние – классовое. Произошла и дифференциация политических целей партий, а следовательно, – классов. Это означало, что раскол общества будет усугублять-

ся. Общей консолидационной идеи не мог выдвинуть никто.

Эту попытку предприняла новая власть, установление которой (октябрь 1917 г.) следует считать началом *пятой модернизационной кампании*. Она была в широком смысле революционной, т. к. аналога реализуемой политической модели не существовало ни в тогдашнем мире, ни в истории. И она не нуждается, в силу исторической близости, в подробном освещении. Вместе с тем необходимо остановиться на основных результатах этой модернизации (завершившейся в 1936 г.), а также на методах, использовавшихся советской властью в интересах консолидации социалистического общества.

Основные результаты политической модернизации 1917–1936 гг.:

– революционное изменение общественного строя. Полноправными социальными группами (победившими классами) были объявлены пролетариат и крестьянство. Другие группы – дворянство, буржуазия, духовенство, интеллигенция основных прав были лишены и могли лишь использоваться новой властью в ее интересах. Социализм как формация знал одну форму собственности – общественную, т. е. прежние собственники должны были быть деклассированы[3];

– не менее революционное изменение государственного строя. Форма государства стала совершенно иной: форма правления – советская республика; форма государственного устройства – федерация с заметными элементами автономии; политический режим – диктатура пролетариата. Впоследствии диктатура пролетариата вылилась в диктатуру верхушки правящей партии и ее вождя, что привело к утверждению тоталитаризма;

– создание механизма государства, представленного вертикальной системой избираемых Советов как органов государственной власти;

– формирование новой бюрократии, впоследствии – номенклатуры, оформившейся в особую социальную группу, которая осуществляла государственное управление, безраздельно распоряжаясь ресурсами страны.

Среди методов консолидации нового общества можно выделить:

– объединение пролетариата и беднейшего крестьянства в «союз» при политическом главенстве пролетариата как наиболее сознательного класса. Эта идея так и не была окончательно реализована. По последней советской Конституции 1977 г. колхозное крестьянство так и осталось практически самостоятельным элементом «единой общности» – советского народа[4];

– насильственная коллективизация крестьянства (возврат к общинной форме сельскохозяйственного производства) и фактическое прикрепление его к коллективным хозяйствам;

– постепенное возвращение в активную социальную жизнь бывших деклассированных элементов (спецы разного рода). Одновременно развертывался процесс вытеснения несогласных или ненужных: формы были разнообразными – умаление прав, принудительный труд, физическое устранение;

– консолидации должны были способствовать чистки различного уровня (партийные, производственные, ведомственные), превратившиеся в середине 1930-х гг. в массовые репрессии.

Таким образом, пятая (советская) модернизационная кампания привела к утверждению революционной для мира и России политической модели. Это было социалистическое государство с фасадными формами демократии и реальной диктатурой правящей партии, переросшей в тоталитарный режим под эгидой вождя. Консолидация вновь создаваемого общества осуществлялась в основном принудительно. Модернизация завершилась констатацией факта победы социализма в тексте Конституции СССР 1936 г.[5] Все дальнейшие преобразования существенно не изменили состоявшуюся модель, хоть и придали ей более либеральный характер.

Процесс *современной политической модернизации* начался в середине 1980-х гг. и продолжается сегодня. Периодизация этого процесса выглядит следующим образом.

На первом этапе (от начала «перестройки» до распада СССР в 1991 г.) госу-

дарственный строй, оставаясь по существу прежним, был существенно изменен по форме. В результате конституционной реформы, во-первых, был демократизирован механизм власти (учреждение нового представительного органа в лице Съезда народных депутатов и расширение полномочий Советов вообще), во-вторых, ликвидирована монопольная функция Коммунистической партии, в-третьих, созданы предпосылки для поэтапного реформирования самой общественно-экономической формации. Но форма не поспевала за изменяющимся содержанием, тем более в масштабах союзного государства, где начал раскручиваться маховик центробежности.

На втором этапе (1990-е гг. после суверенизации новой России), по завершении драматичного конституционного кризиса, была официально закреплена современная модель конституционного строя. Конституция Российской Федерации, принятая всенародно 12 декабря 1993 г., несла в себе и идею, и механизм новой российской государственности. Но социально-политические катаклизмы, продолжавшие сотрясать Россию, поставили ее руководство перед необходимостью объявления поэтапной конституционной реформы, что и было сделано во второй половине 1990-х гг.

Ныне длящийся третий этап современной политической модернизации связан с реализацией конституционно-демократической модели, закрепленной в Конституции Российской Федерации и развивающемся конституционном законодательстве. Ядром создаваемой политической системы должно стать государство, но в новом качестве – как государство правовое, т.е. связанное правом во имя реализации законных интересов людей. Политические партии призваны быть инструментом социализации населения, стимулирования его политической активности и участия в делах управления государством. Другие общественные организации, так или иначе вовлеченные в политическую жизнь или вовсе не вовлеченные, создают поле интересов, называемое гражданским обществом. Правовое государство и гражданское общество становятся, таким образом, взаимными условиями существования друг друга. Такова перспективная конституционно-демократическая модель. Эффективность её реализации – это и есть важнейший фактор консолидации современного российского общества.

---

[1] См.: Судебник 1550 года. Ст. 1 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Сост. В. А. Томсинов. М., 2004. С. 47.

[2] См.: Артикул воинский 1715 г. Преамбула // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 162.

[3] См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР от 20 июля 1918 г. № 51.

[4] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 12 октября 1977 г. № 41. Ст. 617.

[5] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Юридическое Издательство НКЮ СССР. М., 1937.